

Мария Титова
(Москва)

РУБИН В ВИНЕ

Вечер затухал, как угли покинутого костра. Усталые быки в хлевах выдыхали из ноздрей горячую тишину. В порту поднимались якоря, а моряки, уставшие от предсказуемости твёрдой земли, с вожделием смотрели на горизонт.

В городке на отвесной скале девушки заплели косы на ночь, щеками прижались к подушкам и погрузились в мечты. Закачались люльки, послышались колыбельные, шёпот, храп. Одно за другим погасли окна. К полуночи все уснули, никто не слышал, как рядом вздохнул вулкан. Трещина от этого вздоха поползла по скале, рассекла дом Джакомо, прошла по плитке пола и штукатурке стен. Дом весь подался к пропасти, просела спальня и накренилась кровать, упала корзина с лимонами, скатились яблоки со стола.

Джакомо вернулся к себе под утро, проворчал: «Проклятые коты» - и со следами помады в щетине улёгся спать.

Тем временем трещина пересекла стену и добралась до потолка, посыпала хлопьями краски одеяло Джакомо и продолжила путь до противоположной стены. Старик не ведал о трещине, он улыбался, потому что видел во сне кружева ночной рубашки на плечах той, которая была ему дороже всего.

Он проспал весь день и поднялся с кровати под вечер, когда зазвонили к службе колокола. Под раскалённой сковородой летнего неба потушили огонь, цветочные лепестки прижались друг к другу, змеи свернулись клубком, лошади тёрлись мордами над кучей овса. Джакомо потянулся, встал с постели, собрал лимоны в корзину, два из них протёр и положил на стол. Принёс ледяной воды, налил таз. Помылся, накапал одеколона в ладонь, похлопал себя по щекам. Достал из комода свежее бельё и, глядя в зеркало, подмигнул себе.

Меж тем под зеркалом стена раскалывалась пополам. Джакомо, не ведая этого, продолжил свой ритуал: снял с вешалки рубашку, подогрел утюг, прошёлся им по манжетам и воротнику. Прополоскал рот содой, оделся, наблюдая в окно, как рубином в вине растворяется в чернеющем небе чёрный вулкан. Тогда он ещё не знал, что огненная гора станет причиной всех его бед.

Джакомо закрыл ставни, не заметив, как покосился проём окна. Напевая, подошёл к шкафу, достал пыльную бутылку вина, отёр её тряпкой, засунул лимоны в карман пиджака и отправился в путь.

Франческа жила в нижней части города, под скалой. Возле её дома был луг, куда Джакомо навевывался как в цветочный магазин. Каждый раз по-новому составлял букет — он любил её удивлять. Она никогда не знала, что именно он

принесёт: сыр, цветы, вино, живую курочку или гуся - потому в течение тридцати семи лет каждый раз ждала встречи с ним как в первый раз.

— Мне сказали, вчера вздохнул вулкан, — произнесла Франческа, принимая лимоны и кьянти из рук жениха.

— Я не чувствовал никакого толчка.

— И я...

Он прижал её к стене и поцеловал.

— Ризотто готово, — сказала она и опустила глаза.

Джакомо сел в кресло, закурил. Пока Франческа сервировала стол, не сводил с неё глаз, не замечая разницы между женщиной с седым пучком и девочкой, с которой познакомился в поезде по дороге в Милан. Тогда ему было тридцать, он был женат. Ей едва исполнился двадцать один. Она мыла посуду в рыбацком баре на берегу. Поехала на север впервые в жизни — навестить сестру, которая вышла замуж за миланского скрипача. Джакомо сразу понял: надежды, что они случайно встретятся во второй раз, нет. Он перевёз её в свой городок, устроил продавцом в обувной магазин и снял для неё этот дом под скалой. Пока был женат, три раза в неделю навещался к ней в обеденный перерыв. Когда шесть лет спустя вдруг овдовел, стал приходить к Франческе по вечерам и был у неё до утра.

С тех пор день у каждого свой, но ночь — одна на двоих. Джакомо не видел её развешанного на верёвке белья, опухшего утреннего лица, растрёпанных волос. Уходил до того, как с рубашки и шеи выдыхался одеколон. Он не помнил её злой. Франческа пинала стулья и швыряла в стену тарелки, только когда была одна. Для жениха она отбирала слова, как отбирают фрукты на праздничный стол. Когда он задумывался и отстранялся, она клала в рот грецкий орех, чтобы пустой болтовнёй не разрушить его тишину. Знала: внутри мужчины должен парить орёл.

Тем вечером, после ризотто и вишнёвого пирога, они вместе почитали газету, выпили вина. Пересели на диван, выкурили одну сигарету на двоих, разглядывая друг друга в тусклом свете небесного фонаря.

Под утро, когда Джакомо наслаждался последними минутами тепла на её простынях, раздался грохот. Франческа сказала:

— Вулкан.

Джакомо подошёл к окну и несколько мгновений разглядывал темноту.

— Не искрит.

Когда обернулся, она уже спала. Взял со стула рубашку, просунул руку в рукав и с тревогой, которую не понимал сам, снова взглянул в окно.

Вышел от Франчески и направился к своему дому на скале. Занимался новый день, ещё один круг Земли, а он радовался, что уже снова скучал по ней. От нежности его сердце разбухло, как хлеб в воде, и чуть не остановилось, когда он в сумраке утра увидел, что обвалился кусок скалы и унёс с собой в пропасть весь его дом.

Джакомо обхватил голову руками, опустился на колени, посмотрел на небо и прошептал:

— Господи, я сделал всё, чтобы сохранить любовь, но ты не оставил мне выбора: теперь придётся переселиться к ней. Если у нас всё развалится, это будет твоя вина.

Встал, отряхнул штаны и пошёл туда, где она впервые ещё не ждала его.